



АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

БОЯРИН



СМОЛЕНСКАЯ РАТЬ
ПОСЛАНЕЦ
ЗАПАДНЫЙ УЛУС

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П16

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Николая Зубкова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Посняков, Андрей Анатольевич

П61 Боярин: Смоленская рать. Посланец. Западный улус :
сборник / Андрей Посняков. — Москва: Издательство
АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2020. — 864 с. —
(БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-121722-8

Павел Петров-сын Ремезов... научный сотрудник, кандидат наук, оказался в прошлом в теле молодого боярина из средневековой смоленской глуши в результате удачного эксперимента. Вроде бы все могло быть и хуже, слава богу — хоть не в смерды да не в холопы попал, однако полным полно кругом завистников да интриганов в лице ближайшего соседа и «родных братцев», давно уже облизывающихся на ремезовские земли. К тому же в ближайших лесах объявился какой-то волхв, а по всей вотчине полыхают пожарица, происходят странные и необъяснимые убийства.

Из двадцать первого века — в тринадцатый... а вот как обратно? Правда, есть один способ — вступить в резонанс с одним из самых удачливых монгольских полководцев — Субэдеем. Однако подействует ли? Еще повезло — на дворе конец 1240 года — совсем скоро непобедимые тумыны Батые начнут свой знаменитый западный поход — к последнему морю.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121722-8

© Андрей Посняков, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СМОЛЕНСКАЯ РАТЬ



Глава 1

ПЛОЩАДЬ АДА

Открыв глаза, Павел внимательно осмотрел комнату — небольшую, вытянутую к распахнутому в цветущий сад окну, но уютную, светлую, с выкрашенным красновато-коричневой краской комодом с овальными железными ручками, узкой оттоманкой-софой и письменным столом, на котором беспорядочной кучей были разбросаны ученические тетрадки и учебники — математика, русский язык, литература... физика за восьмой класс.

Так... а год издания?

Павел протянул руку и вздрогнул — из висевшего на стене радио — обычного, проводного, в старомодно-овальном, чем-то похожем на тот же комод, корпусе — послышалась громкая музыка, и бодрый голос диктора призвал трудящихся к физической зарядке.

— Поставьте ноги на ширину плеч... Начинаем! И... раз-два... три-четыре... раз-два...

Взяв, наконец, учебник, Павел посмотрел год издания — 1956-й.

Пятьдесят шестой! Ага... вот, значит, как... Интересно... Интересно, есть ли в этой комнате зеркало, должно было бы быть... ага, вон оно, на комодe.

Посмотрев в небольшое зеркальце, Павел невольно усмехнулся, хотя и был готов сейчас ко всему... как и любой ученый, тем более — экспериментатор... и эксперимент-то оказался удачным, более чем удачным.

В зеркале отражался тощий лохматый молодой человек в светло-голубой майке «Динамо» и длинных черных трусах. Похоже, он только что проснулся или только что умылся — с шеи и по плечам стекали, оставляя мокрые борозды, крупные холодные капли. На

вид парню было лет пятнадцать-шестнадцать, что-то вроде этого... и всем своим внешним обликом он сильно походил на Павла, на того Павла, каким тот был в том же возрасте, буквально одно и то же лицо, и даже на шее, слева — белесый, еле заметный шрам. Ну, надо же! Как такое вообще быть может? Впрочем, удивляться сейчас можно было всему... точнее даже не удивляться, а радоваться.

В коридоре, за неприкрытой филанчатой дверью, послышались чьи-то торопливые шаги... донесся женский голос:

— Хлеба не забудь купить, Вадик. Я на тумбочке деньги оставила. Да, и в мясной отдел загляни... хоть там и очередь. Ну, я ушла.

Скрипнув, хлопнула дверь, и Павел с облегчением выдохнул, как будто бы эта неизвестная женщина — скорее всего, мама Вадика, — заглянув в комнату, могла увидеть в своем сыне нечто иное... совсем другого человека — Павла. Ну, нет, так не могло быть! Другое дело, что Вадик мог показаться ей немного странным, Павел же не знал, как сей юноша привык общаться, не знал ни его любимых словечек, ни увлечений, ни друзей...

— Да-а, — усевшись на подоконник, молодой человек покачал головой. — Значит, полное замещение... Прекрасный резонанс!

— Вадик! Эй, Вадим, ты там что, спишь, что ли?

У калитки остановилась на велосипеде юная девушка в синем крепдешинном платье в горошек, со смешными, модными в пятидесятые годы, рюшами. Темноволосая, смуглая... нет, просто загорелая. И где успела уже? Хотя... на дворе-то, похоже, май... или начало июня — сирень в саду цветет, яблони.

Ишь, улыбается, уперлась ногами в землю, вся такая красивая, аккуратненькая. И дамский велосипед — синий, с багажником — аж блестит на солнце.

— Вадим, ты ватман приготовил?

— А? — Павел соизволил ответить, чувствуя себя совершенно по-дурачки... а как еще он мог себя чувствовать?

— Так я зайду? Ну, давай, просыпайся же ты наконец, времени уже полдесятого!

— Да-да... заходи, конечно.

Молодой человек спрыгнул с подоконника — где ж тут у этого Вадика брюки? На стуле? Нет, там только пиджак с большим комсомольским значком на лацкане. А, ладно, некогда искать — судя по шуму в коридоре, девушка уже вошла, встречать надо.

Павел поспешно распахнул дверь и улыбнулся:

— Ну, это... привет. Хорошо, что зашла.

— Как и договаривались! — войдя в комнату, гостя хозяйски уперла руки в бока и внезапно похолодевшим тоном поинтересовалась: — Ну, и где же ватман? Ты что, его вчера не забрал?

Да, и где же этот чертов ватман? Павел и сам хотел бы знать.

— Нет, точно — забыл! — девчонка обиженно всплеснула руками. — Я, между прочим, так и знала! Еще вчера, после бюро, когда ты с Ленкой Берцевой любезничал.

— С кем любезничал?

— Любезничал, любезничал! С Ленкой. Ворковали, как два голубка — смотреть противно. Еще комсомольцы называются!

Молодой человек потупился, не зная, что сказать в ответ — гостя-то оказалась обидчивой. Интересно, что у них с Вадиком? Просто дружба или нечто большее? Скорее всего — просто дружба, легкий такой флирт — записочки, провожания — на дворе-то, судя по учебничкам, где-то конец пятидесятых, не самое приличное время для «нечто большего». А, впрочем, ладно. Не хотелось бы обижать девчонку...

— Ничего у нас с этой Ленкой не было! Просто болтали и все.

— Ага, говори, говори...

Взмахнув ресницами, гостя гордо повела плечом... однако видно было, что слова Вадика (вернее — Павла) ей пришлось по душе. Девушка даже соизволила улыбнуться... а потом вдруг повернулась к радио:

— Ой, вальс какой замечательный... пам-падам... пам-падам... Я погромче сделаю, да?

— Конечно!

Облегченно кивнув, молодой человек уселся на оттоманку.

— Пам-падам... пам-падам...

Немного покружившись под льющуюся из ретранслятора музыку, девушка, неожиданно застыв перед Вадимом, схватила парня за руки:

— А давай потанцуем! Ну, пожалуйста, а? Музыка такая замечательная, правда?

— Правда...

Поднявшись, Павел сглотнул слюну, обхватив девчонку за талию и чувствуя на своих плечах нежные девичьи руки.

Ах, какие глаза! Серые, сверкающие, словно жемчуг! Темные пушистые ресницы, волосы по плечам, чуть вздернутый носик... Господи! Как она похожа на Полину! Нет... в самом деле, очень

похожа! Как будто и не было никакой аварии, как будто Полина... нет, не просто воскресла, а помолодела на десять лет... да и сам Павел прилично годков скинул!

— Пам-падам... пам...

Какие глаза... Ведь они, они — глаза любимой, Полины!

Когда музыка кончилась, они так и остались стоять, обнимая друг друга...

— Полина! — едва слышно прошептал Павел... и тут накрыл губы девушки поцелуем... — Полина! Любимая!

— Отпусти! Пусти сейчас же! — гостья отстранилась далеко не сразу... и вдруг улыбнулась и приникла к губам...

И снова отпрянула:

— Ты где это научился так целоваться?

— Да так...

— Я помню тогда, в апреле, после весеннего бала... Но ты тогда не так...

— Тебе не нравится?

— Нравится... Очень... Ой, Вадька! Что ж мы с тобой делаем-то?

— Ничего такого. Просто целуемся.

И снова поцелуй — затяжной, глубокий — и трепет юной красавицы, и горячая кожа под тонким крепдешиновым платьем... И глаза — серо-палевым жемчугом...

Полина! Полина!

Обнять! Крепче прижать к себе... Расстегнуть платье... Ага! Попробуй-ка расстегни — никакой молнии и в помине нет — пуговицы! Смешные тугие пуговицы...

— Подожди... — томно дыша, девушка повернулась спиной. — Расстегивай... ну, давай же, не жди! Но помни — мы просто целуемся!

— Конечно...

Пробежались пальцы... Поцелуй в нежное плечико, теперь — меж лопатками, теперь...

— Это что ж вы такое тут творите-то, а?

Мамаша пришла! Точно! Эх, дверь-то позабыли закрыть, дверь...

Дверь скрипнула под дуновением ветра... Нет, не дверь — это окно. Хотя — какое, к черту, окно? Окно Павел еще месяц назад поставил пластиковое — вот как раз сюда, в мансарду, старое-то уж совсем скособочилось.

Так что же тогда скрипит? Или это внизу, на крыльце? Пришел кто-нибудь? Ладно, подождут.

Сняв с головы металлическую сетку — антенну, Павел отсоединил от компьютера электроды и взглянул на экран.

Пятнадцать минут сорок семь секунд чистого времени! Вот это удача! Так долго еще никогда не удавалось, не получалось настроить резонансные колебания, впрочем, настроить-то можно было, а вот удержать... И все-таки — пятнадцать минут! Почти шестнадцать. А ведь еще на той неделе и одна минута за великое счастье. А теперь — пятнадцать! Шестнадцать почти. Если дела так и дальше пойдут...

— Хозяин! Эй, хозяин!

Ну, точно, кричали внизу, с крыльца. Принесла кого-то не легкая. Может, электрики? Но те вроде должны были бы на той неделе заглянуть.

Подойдя к окну, Павел распахнул створку и свесился вниз, увидев на крыльце двух незнакомых парней лет по двадцати или около того. Оба в резиновых сапогах, в грязных джинсах, один — толстоморденок — в красной баскетке.

— Нам бы проводку проверить.

Ага — электрики все же.

— Сейчас спущусь. А я вас через неделю ждал.

— Так у нас это... в планах окно появилось, вот думаем — осмотрим пораньше. А то потом осень, дожди, грязь. А кому охота по грязи шляться?

— Это верно, никому... — спустившись по узкой лестнице, Павел гостеприимно распахнул дверь. — Проходите.

Несмотря на молодость и общий дебиловатый вид а ля «реальные пацаны», электрики оказались весьма вежливыми, даже на пороге разулись.

— Мы у вас немножечко тут посмотрим...

— Смотрите, смотрите.

Парни управились быстро, да и что тут было смотреть — старая дача в две комнаты с печкой и мезонином, ну, телевизор с ресивером, ноутбук на столе.

— В мансарде есть что?

— Нет, нет, — Павел улыбнулся как можно беспечнее. — Там даже розетки нет.

— Ну и ладно, — покладисто кивнул тот, что в красной корзине, похоже, он был в этой паре за главного — напарник-то за все время визита ни словечка не проронил.

— Хозяин, вы завтра целый день дома будете?

— А что? Что-то не в порядке?

Поправив корзину, мордастенький улыбнулся:

— Да с нашей стороны никаких претензий нет, просто пожарник просил узнать — Леха. Он-то тоже обход задумал. Чтоб до осени, не по грязи. Так завтра-послезавтра как? Не уедете?

Павел рассмеялся, потеревив небольшую бородку, придававшую ему вид типичного «антилигента». Ой, как не любила эту бородку Полина, все время заставляла сбривать. Эх, Полина, Полина... и черти тебе тогда понесли... в гололед. Ну да, осторожно всегда девочка ездила, да и резина новая, зимняя... это у нее. А вот у того грузовика... Не ты — так тебя!

— Лехе-пожарнику передайте — завтра пусть не приходит, — подумав, промолвил молодой человек... молодой — если так назвать тридцативосьмилетнего кандидата наук, да не каких-нибудь — а физико-математических, да еще и технических в придачу! Наверное — все-таки можно, Павел Петрович Ремезов всегда выглядел подтянуто и молодо, особенно когда Полина еще была жива... а тому уж полтора года... Да и что там говорить — тридцать восемь лет — для кандидата наук — не возраст! Именно что — молодой. Бородка и очки — для чтения, вдаль-то Павел и без них неплохо видел — его, конечно, старили... так, слегка.

— Кстати, господа электрики, — вспомнив, Ремезов стукнул себя ладонью по лбу. — А скачка напряжения случайно сегодня не было? Ну, вот только что, буквально минут двадцать назад.

— Скачка? Не, не было... вроде...

Быстро попрощавшись, парни-электрики ушли, мордастенький аккуратно закрыл за собою калитку. Павел прошелся по саду, не большому и не очень ухоженному — именно такой и должен был олицетворять матушку-природу. Недавно прошел дождь, и пахло мокрицей, а, может, и какой другой травой, Ремезов не очень-то вникал в огородно-сельскохозяйственные дела; дача эта — километрах в ста от Смоленска — досталось ему, в общем-то, случайно, от двоюродной тетки, о существовании которой племянник, к стыду своему, и думать давно забыл, а тетушка, вить, помнила, завещала домик, так кстати теперь пригодившийся. Вообще-то, институт находился в Москве, обычный «почтовый

ящик», из тех, что не полностью исчезли в девяностые, и ныне приносящий неплохую прибыль. Здесь же, на даче, Павел, подсутившись, устроил неплохую лабораторию по изучению психофизических резонансных воздействий. Установил необходимые приборы, компьютеры, все, что нужно — и, кстати, именно тут ему и повезло! Шестнадцать минут — еще бы!

Ипускаемые мозгом колебания, которыми занимался Ремезов, изучались на стыке наук — физики общего энергетического поля, физиологии, медицины, исторической психологии, — обычному ученому трудно было бы сделать в этой области хоть какие-то открытия. Правда, вот Ремезов все же был не обычный, а из тех, что не так давно именовались энциклопедистами. Физики, психология, медицина — казалось бы, что между ними общего? А вот есть, оказывается — явление психо-исторического резонанса, изучаемого Павлом не само по себе, а комплексно, в свете общей теории поля, разрабатываемого когда-то еще Эйнштейном. Кстати, сам великий физик еще в двадцатые свернул все работы по этой теме, как говорят — ужаснувшись возможных последствий. Ремезова же последствия вовсе не ужаснули, наоборот — обрадовали... и потрясли до такой степени, что, полностью отдаваясь работе, он на какое-то время забывал Полину.

Полина...

Войдя в дом, молодой человек уселся на диван, перед стоявшим на круглом — тетушкином еще — столе портретом. Черно-белым, в строгой деревянной рамке — Павел с детства еще увлекался фотографией — ФЭДами, «Сменами», «Вилиями», да и сейчас «цифру» лишь на работе признавал, считая, что для души лучше обычная черно-белая пленка, а к ней — красный фонарь, фотоувеличитель, ванночки. Ничто так нервы не успокаивает, как обычная фотопечать, когда в красном приглушенном свете на листе фотобумаги под тонким слоем разведенных в воде реактивов вдруг начинают появляться какие-то контуры, фигуры, быстро приобретающие знакомый облик. По сути — волшебство какое-то, даже для кандидата наук! Волшебство, знакомое с детства.

Черно-белая Полина, улыбаясь, смотрела с фото... еще бы не улыбаться — снимал-то Павел старинным, отцовским еще, ФЭДом! Один из последних снимков. Как хорошо, выразительно вышли глаза — большие, блестящие, и немного грустные, несмотря на растянутые в лукавой улыбке губы. Черные, цвета воронова

крыла, волосы, светло-серые жемчужные глаза, чуть припухлые губы, ресницы, длинные и густые, как берендеевский лес... все-таки Полина была редкой красавицей, и выглядела на удивление юно — никто ей не давал тридцати лет, девчонка и девчонка. Правда, профессия — старший следователь районной прокуратуры... Сей факт Павла, говоря молодежным сленгом — «прикалывал».

И все же, все же! Как похожа на Полину та девчонка из недавнего «резонанса»! Как похожа... И парень, Вадик — судя по отражению в зеркале, почти вылитый Павел в ранней юности. Быть может, тут должно присутствовать не только внутреннее, психо-физическое совпадение, но и внешнее? А что? Ведь почти целых шестнадцать минут в чужом теле да еще в пятьдесят каком-то году — успех несомненный!

Молодой человек улыбнулся, поправив стоявшие в вазе цветы. Увяли уже... Съездить завтра в Смоленск, купить розы? Павел глянул в окно, на припаркованную рядом с яблонями светло-зеленую «Шевроле-Лачетти», и покачал головой. Нет, не завтра. На завтра наметил он одно важное для своего эксперимента дело. А что, если резко повысить силу тока и, может быть, напряжение? Ведь эти шестнадцать минут... скорее всего, в местной сети был-таки скачок, ввали электрики, точнее, не ввали, а не признавались, кто ж признается — вдруг у кого какая техника «полетела», холодильник там, ноутбук. Не у всех же фильтры стоят.

Повысить! Да-да, именно так — повысить. Откуда только его взять, напряжение... а заодно и силу тока.

Откуда, откуда! Все оттуда же — из трансформаторной будки, до которой, если считать от мансарды — ровно сорок девять метров тридцать пять сантиметров, Павел лично позавчера измерял. Так вот и...

Ох! Слышала бы эти мысли Полина! Тут же бы щелкнула Ремезова пальцем по носу: «А не задумали ли вы, дорогой товарищ, похитить общенародную собственность? Ну, или, скажем, муниципальную, федеральную, на худой конец — частную? Ах, говорите, электрический ток... Так он ведь тоже не сам по себе в проводах завелся, тоже кому-нибудь да принадлежит!» Именно так бы и сказала... Старший следователь районной прокуратуры, Полина была женщина с юмором, не хуже, чем у Павла... на том, во многом, и сблизилась, та как раз от второго мужа ушла, а Ремезов... Ремезов со своей женой да-авно развелся, правда, не сказать, чтоб одной работой жил — случались девушки, и довольно-таки

часто, но... вот именно что «случались». А с Полиной... С Полиной почти сразу ясно стало — вот она, «вторая половинка»... Увы, недолго музыка играла... вернее, другая стала музыка — похоронная.

За те полтора года, что были прожиты без Полины, Павел с головою ушел в работу и с горем своим справился на удивление быстро, вовсе, впрочем, не потому, что зачерствел душой. Просто любимой это горе бы не понравилось, она вообще не любила выставлять напоказ чувства, может, это было профессиональное, а, скорее всего — вполне искреннее желание не выставлять на чужие глаза своего личного счастья. Чтоб не сглазили.

Не помогло, увы...

Однако горя уже давно не было, осталась лишь мягкая грусть, да вот цветы рядом с фотографией, в вазочке. И еще — работа, работа, работа!

Кстати, надо бы купить кабель — пятьдесят метров хватит.

Чу! Ремезов вздрогнул — показалось, что Полина на портрете сурово нахмурила брови... ну, как же — старший следователь прокуратуры все ж таки!

А кабель он сегодня же купит! Вот прямо сейчас съездит в Смоленск и..

Нет, для начала глянуть почту — что там прислали коллеги? Со вчерашнего дня не смотрел, и было такое ощущение, что — прислали, и нечто важное.

Ну, да — так и есть! Дождавшись, когда загрузится рыжая лисица «Мозилла», молодой человек открыл входящие... и возликовал душой!

Графики! Наконец-то Мишка прислал графики!

Мишка — Михаил Полонский — это был старый друг, психолог и историк, которого исследования Ремезова задели за живое, да так, что Михаил и сам стал помогать, явно обрадовав Павла — исторической психологией вообще-то в России мало кто занимался. А ведь даже наши родители — не говоря уже о более ранних предках — воспринимали окружающий мир совсем не так, как мы. А взять средневековых людей, древних... По сравнению с современными людьми — они абсолютно иные, при всей внешней схожести... да и насчет схожести тоже еще проблема. Взять любого дворянина века семнадцатого, поставить, рассмотреть пристально... любой скажет — урод! Икры — толстенные, как у слона (от каждодневной верховой езды), руки в предплечьях — такие же мускулистые, причем правая явно больше левой (шпага!), остальная